

Анатолий Звонов

Отдушины

Повести и рассказы о детстве и юности в Стране Советов

Анатолий Звонов

**Отдушины. Повести и
рассказы о детстве и
юности в Стране Советов**

«Издательские решения»

Звонов А.

Отдушины. Повести и рассказы о детстве и юности в Стране Советов / А. Звонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908781-2

Повседневная вполне обеспеченная жизнь в Советском Союзе, наполненная трудом или учебой, требовала хоть каких-то отдушин. Летом детей вывозили за город, заодно и родители проветривались. Взрослые устраивали для себя охоту, рыбалку, спортивные игры. Уважали застоля в честь праздников — годовщин революции, женского дня. В сопровождении самодельной песни молодежь с удовольствием проводила каникулы в трудовых отрядах или путешествиях по огромной родной стране. О таких отдушинах эта книга.

ISBN 978-5-44-908781-2

© Звонов А.

© Издательские решения

Содержание

От звезды до звезды	6
Знакомство с оружием и обороной без него	11
Когда мушка в глаз попадает	17
Отдушины к женскому дню	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Отдушины
Повести и рассказы о детстве
и юности в Стране Советов

Анатолий Звонов

© Анатолий Звонов, 2018

ISBN 978-5-4490-8781-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От звезды до звезды рассказ

Маленький динамик содрогался от звуков бодрого марша, создавал в комнате праздничное настроение:

«Здравствуй, страна героев, Страна мечтателей, страна учёных!»

Девятилетний Валерка сидел на корточках около дивана и наблюдал, как отец умело орудовал большой иглой с толстой суровой ниткой, прилаживая к офицерской шинели новенькие погоны. Звездочка была на много больше, чем те четыре, которые он уже целый год видел у отца на плечах. На фоне бронзового плетения погон выделялись две полосочки, похожие на рельсы, а не одна, как на старых.

– Высший офицерский состав, – Олег Григорьевич молодцевато поглядывал то на свое отражение в зеркале, то на сына, – я теперь майор, все обмундирование из чистой шерсти, как положено.

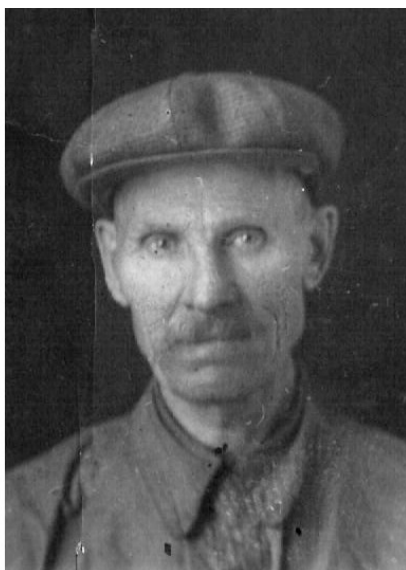
Валерка снизу вверх смотрел на отца и осторожно прикоснулся к гладкому драпу шинели. Та старая жесткая, пропахшая порохом и отцовским потом, перекочевала в сундук.

Был праздничный выходной день. Вся Страна отмечала сороковую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. Детские осенние каникулы подходили к концу. Старшая сестра и мать прибирали в комнате, готовились к приему гостей, соседей по коммуналке.

Мать улыбалась, шепотом планировала покупки:

– Три оклада премия, это ж восемь тысяч рублей. Запишусь на венгерский буфет, купим хрустальный сервиз, Валерке костюмчик серенький, Аллочке платье-клевш, туфли и еще деньги останутся.

Из кухни по длинному коридору предвестником праздничного ужина проникал запах запекающейся утки. Валерка, вдыхая этот аромат, никак не мог понять, как это отец, когда был маленьким, оголодал так, что и ходить не мог. Его рассказы представлялись Валерке до нереальности далекими.

В двадцатые годы Дед Григорий, знакомый ему по пожелтевшим фотографиям, был сельским шорником, мастерил лошадиную сбрую. Названия некоторых ее частей Валерка помнил: постромки, седёлки, хомуты, потники, шлеи, – но с трудом их себе представлял. Дед работал без устали, кормил все семейство и даже поднял на ноги оголодавшего сына. С его помощью наладил хозяйство, разрушенное Гражданской войной, построил новый дом, купил корову и лошаденку. Страшной несправедливостью казалось Валерке, что к тридцатым годам ленивые завистливые соседи решили раскулачить Григория Исаевича и вместе с семейством выслать в Сибирь. Но комиссар, размахивая маузером, заступился, назвал деда сельским пролетарием, но корову и лошадь велел все-таки отвести в колхоз. Там восемнадцатилетний отец с помощью своей же лошади пахал колхозное поле, засеял его, убрал урожай. В качестве награды Олегу Григорьевичу выдали паспорт и направление в область учиться на агронома. Но он удрал вместе с товарищем искать счастья в Москве. Для необразованного парня нашлась только работа землекопа на строительстве метро. Многие его товарищи просто умерли от непосильного труда. Но у отца хватило сил еще учиться и через год стать водителем грузовика.

Во время войны он защищал Москву, а после выучился и стал военным инженером. Об этом Валерка написал в первом своем сочинении. Полина Семеновна вкатила ему за содержание трояк.

От отца это скрывать не потребовалось – он в сентябре уехал в очередную командировку. Прошел почти месяц. Валерка так соскучился, что выбегал к входной двери лишь только раздавался звонок.

В школе звонок прозвучал неожиданно, на много раньше времени окончания урока. Сквозь гомон сотен ребятишек, заполнивших школьные коридоры, Валера уловил несколько твердых слов, доносившихся из черной тарелки динамика: «... в Советском Союзе осуществлен

запуск первого искусственного спутника...». Учителя что-то объясняли, а дети не сразу поняли значимость этого загадочного, но почему-то радостного события, шумели до тех пор, пока не услышали ритмичные звуки. По команде писклявых сигналов из Космоса все замолкли, а потом каждый по-своему выразил свой восторг – прыгали, кричали, размахивали руками.

На следующее утро, выбежав на звонок к входной двери, Валера увидел, что мать получает от почтальона телеграмму. Он сразу вслух ее прочитал: «буду восьмого поезд... вагон... отец...» Валерка свернул ее и аккуратно положил в карман школьной гимнастерки, то и дело доставал телеграмму и с радостью перечитывал, даже на уроке. Люська Воробьева выхватила ее, убежала, спряталась в девчачьем туалете, а, вернувшись, дразнилась:

– Тюра-Там, Тюра-Тут, Тюра-Здесь. Капитанский сынок...

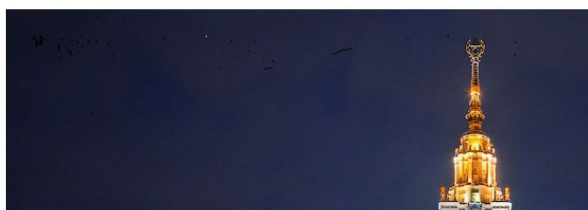
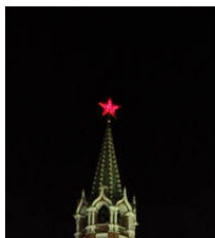
Без Люськиной выходки, Валерка и не заметил бы, откуда послана телеграмма – Тюра-Там. Где это?

Усталый с дороги отец завалился спать и проснулся только к вечеру. Когда совсем стемнело, всю семью «построил» и повел на набережную Москвы-реки.

По воде, пыхтя, сигналиа фонарями и гудками, буксиры тащили огромные баржи с бревнами, песком, щебенкой – Страна Советов строилась, развивалась. На тротуарах собирался народ. Валерка почувствовал приближение праздника, посмотрел вокруг и понял, что всех объединяет ожидание чуда.

– Летит! – крикнул кто-то из толпы.

– Спутник! – волной пронеслось по широкой Крымской набережной. Валерка увидел на небе среди неподвижных звезд одну белую быстро передвигающуюся от красных звезд Кремля в сторону подсвеченного высотного здания Университета.

Теперь всеобщее ликование перешло от толпы к нему – он прыгал, размахивал руками. Отец подхватил его, подбросил и поймал.

Детям накрыли отдельный столик. Вкусная еда, крушон и лимонад создавали праздничную обстановку. Валерка поглядывал на взрослых, прислушивался к их разговорам. Они по очереди вставали и говорили, как хорошо жить в Стране Советов, о том, чтобы дети никогда не испытывали ужаса войны. Сестра поставила на комод патефон. Она следила за тем, чтобы музыка звучала без больших перерывов: крутила заводную ручку, переворачивала и меняла

пластинки. Гости танцевали танго «Брызги шампанского», потом звучал «Маленький цветок» и старинные вальсы.

За окнами совсем стемнело, когда отец подошел к сыну, обнял его и повел на балкон. С седьмого этажа был виден ярко освещенный, прямой, как ковровая дорожка, Комсомольский проспект, упирающийся в высотное здание Университета.

– Видишь, – сказал отец, показывая вдаль, – надо учиться, и все двери для тебя будут открыты.

Засыпая, Валерка представлял себе, как по ковровой дорожке он подходит к Университету и поднимается по его крутым ступеням.

Праздничные дни и каникулы окончились. Отец рано утром ушел на работу. Мать на кухне заплетала сестренке косички. Валерка в комнате укладывал в портфель карандаши и ручки, учебники и тетрадки. Время будто перепрыгнуло через какой-то барьер и побежало так быстро, что только успевай. Казалось, пространство над землей открылось, и звезды стали ближе. Он почувствовал удивительную благодарность судьбе за то, что родился в самой лучшей стране на свете.

Орден Красной Звезды

Прежде, чем уйти, Валерка тайком, тихонько залез в ящик комода и, вытащив из коробочек, еще раз с благоговением посмотрел отцовские медали «За отвагу», «За оборону Москвы» и новенький только что появившийся орден Красной Звезды.

По дороге в школу он даже, обгоняя, дернул за косичку одноклассницу Люську. Она вдогонку крикнула:

– Капитанский сынок! – и показала язык.

– А вот и нет! А вот и нет! Уже майорский, – приплясывая и размахивая портфелем, пропел Валерка, – и вообще мой папа самый лучший!

Он уже знал, что, когда окончит школу, станет инженером, как папа. А еще он подумал, не всегда же спутникам из космоса питаться, может и он когда-нибудь что-то важное оттуда людям скажет, чтобы все мальчики и девочки, дяди и тети его услышали.

Только несколько лет спустя Валерка узнал, что Байконур, откуда запускались космические корабли и тот самый первый спутник, находится совсем рядом со станцией Тюра-Там, откуда отец через два дня после запуска спутника прислал телеграмму.

Знакомство с оружием и обороной без него рассказ

Димка каждый день с нетерпением ждал отца. То и дело прибежал на кухню к матери, дергал ее за юбку и спрашивал:

– Мам, когда папка придет?

Мать отмахивалась, недовольно ворчала:

– Да, скоро, скоро придет твой папка. Как всегда на работе задерживается, уж устала ужин подогреть. А ты иди, займись чем-нибудь.

Димка уходил с кухни «надув губы» и опустив голову. Но, пройдя половину длинного коридора, вдруг услышал гремящие за входной дверью ключи. Добежал до конца, попал в объятия папки и оказался высоко глаза в глаза с ним:

– Пап, ты, что так долго?

– Так надо, сынок. Сейчас поужинаем и будем оружие чистить. Уроки сделал? Какие отметки сегодня получил, – отец говорил это, снимая пальто, шапку, ботинки.

В первом классе Димка учился так себе, стараться еще не умел, да и не всегда понимал, что от него хочет учительница. А от отца за двойку и даже за тройку можно было ремня получить.

Но сегодня все было в относительном порядке. Поэтому после ужина отец поставил на табуретку два флакончика – с маслом и щелочью, положил на нее белую тряпочку и кожаную кобуру с пистолетом, вытащил из нее шомпол. Он всегда старался научить сына всему, что умел делать сам.

В прошлый раз они чистили большущий револьвер, а сейчас оружие было поменьше:

– Это – Вальтер. Он небольшой, в руке хорошо умещается, – отец расстегнул кобуру, показал пистолет Димке. Потом нажал на рычажок, и из рукоятки выскочила обойма с несколькими патронами, передернул затвор.

– Ух, ты, – только и смог восторженно прошептать Димка, взяв в руки обойму. Сам вытащил из нее остаток патронов.

Отец тем временем оторвал от тряпочки полоску шириной чуть больше двух сантиметров и вставил один ее конец в щель шомпола, приговаривая:

– Оружие всегда надо в чистоте содержать, чтобы ни одна соринка не оставалась ни снаружи, ни внутри.

– Пап, можно я, – закричал Димка, вспомнив, что надо делать дальше.

– Ну, давай, раз знаешь, – отец передал ему подготовленный инструмент и открыл флакончик со щелочью, – только помни: на человека просто так даже разобранный пистолет направлять нельзя.

Димка накрутил на шомпол тряпочку так, чтобы ее кончик не высочил из щели, опустил его в горлышко флакончика, вынул и начал чистить ствол Вальтера. От пороховых газов, осевших на стволе, белая тряпочка стала серой. Потом они вместе смазали, подвижные детали, вытерли и собрали пистолет. Полностью снарядили обойму, взяв недостающие патроны из картонной коробочки, и вставили обойму в рукоятку.

Слегка возбужденный своей тайной работой Димка побежал к соседу Сашке, сыну начальника тира. Постучал в дверь, и на вопрос: «Кто там?», – громко спросил:

– Сашка выйдет?

Сквозь приоткрытую дверь просочился сосед и, закрыв ее за собой, направился на кухню. Там в это время было свободно – никого, кроме кота Пушка. Его держали специально для ловли мышей, иногда выходявших погулять из мусоропровода на пол. Сашка взял Пушка на руки. Поглаживая его, заговорил:

– Уроков много задали. Мамка сказала, чтобы чуть-чуть отдохнул и опять садился за чтение.

– А у меня папка уроки проверил, и мы с ним Вальтер чистили, – Димка говорил восторженно, чуть не перебивая Сашку.

– Подумаешь, чистили! После седьмого ноября мы с отцом пойдем в тир из Вальтера, из револьвера, из мелкашки стрелять, – спокойно, ничуть не хвастая, говорил сосед соседу, как о совершенно нормальном, будничном занятии, – у него там столько в сейфе всякого оружия и патронов...

– А меня с собой возьмете? Я тоже хочу пострелять!

– Не знаю, надо у отца спросить, – пожал плечами Сашка и пошел в свою комнату доделывать уроки.

Тридцать седьмую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции праздновали, как договаривались: все соседи вместе. Застолье началось, как только Димкин отец пришел с Красной площади, где был на трибунах по служебным обязанностям.

Работник КГБ на трибунах с иностранными гостями

В самом конце веселья Сергей Николаевич, Сашкин отец крепкой рукой обнял Димку, присел и с улыбкой оповестил:

– Готовься, завтра утром поедem стрелять. Твой отец просил тебя научить. Захвати ведомость с отметками за четверть. Договорились?

Димка в ответ только кивал головой, замер от радости предстоящих новых впечатлений. Чтобы не опоздать, в девять часов вечера, когда гости еще танцевали, забрался в свою кровать и уснул.

Ехали в метро втроем. Фонари на улице Дзержинского освещали постовых милиционеров с красными обветренными лицами. В самом углу дома, за Сороковым гастрономом, в цоколе прятались тяжелые деревянные двери. Вахтер у дверей проверил удостоверение Сергея Николаевича и пропустил мальчишек только после тихих слов: «Эти двое со мной!»

Шли через большущую едва освещенную раздевалку, огромное фойе размером с половину футбольного поля. В самом дальнем его углу – маленькая железная дверца, которую хозяйски открыл Сашкин отец. Димке показалась, что за ней перед ним предстанет неизведанный таинственный мир. Осторожно спускались по длинной и крутой лестнице в подземелье, миновали еще пару железных дверей прежде, чем попали в тир. Когда сняли верхнюю одежду, Сергей Николаевич протянул к Димке правую руку, строго спросил:

– Давай ведомость! Взял? Стрельбу надо заработать!

Димка протянул ведомость с отметками за первую четверть и нахмурился, опустив голову. А Сашкин отец внимательно смотрел на маленькую картонку и считал в уме:

– По моим правилам тебе полагается всего три патрона.

– Как это, почему? – Димка едва сдерживал слезы.

– Все очень просто: три пятерки – это пятнадцать очков, две четверки – еще восемь. Итого – двадцать три. Но у тебя две тройки! За каждую тройку я по десять очков снимаю. Двадцать три минус двадцать будет три.

Сергей Николаевич выдержал паузу, но увидев, что Димка вот-вот расплачется, заключил:

– Ладно, на первый раз дам тебе пятнадцать патронов. Выбирай оружие!

Он открыл сейф, а там были и револьвер, и вальтер, которые Димка знал, и еще другие пистолеты. В отдельном сейфе стояли винтовки и даже автоматы. Пока ребята выбирали себе пистолеты, Сергей Николаевич устроил место для стрельбы: закрепил мишени на специальных

тележках, нажал большую красную кнопку, и они сами поехали по рельсам вглубь тоннеля. Потом он разложил патроны, закрепил на треноге бинокль, полушутяскомандовал:

– На рубеж огня, марш! Заряжай!

Димка повторял все движения за Сашкой, а Сергей Николаевич подсказывал, поправлял, если что не так. Когда, наконец, все было готово, по команде «Огонь» Сашка начал стрелять, а Димка вытянул правую руку с револьвером, но удержать его неподвижно и целиться не смог.

– Ладно, давай попробуем из винтовки лежа, – сказал Сергей Николаевич, устраивая справа лежак, – для пистолета тебе еще надо силушки поднабраться.

В то время, когда Димка устроился на лежаке и успел сделать несколько выстрелов, загудели мужские голоса, и в распахнутую дверь вошли четверо. Среди них был и Димкин отец. Он был веселее всех, предлагал стрелять из любого оружия на таких вот условиях: кто первый не попадет в десятку, тот платит за полный обед для всех четверых в буфете. Соревнование было не долгим: на втором круге один из офицеров промазал, о чем Сергей Николаевич,

следивший в бинокль за результатами, немедленно оповестил веселую компанию.

– Андрей Николаевич! – громко сказал Димкин отец, выдержал паузу и продолжил, – с тебя причитается!

Компания дружно захохотала и отправилась в буфет.

Получилось так, что отец даже не заметил Димку. А ему так нужна была поддержка: стрельба не задалась. Не сделав десятка выстрелов, он загрустил и встал с лежака, ожидая, когда Сашка тоже окончит.

Почистили оружие – чтобы ни одной соринки – и отправились домой.

На следующее утро Димка подошел к отцовским гантелям. На каждой из них была вмятина с надписью: 5 кг. Сначала он просто носил одну из них по комнате, а потом начал копировать движения, которые делал отец, и чувствовал, что в руках и ногах появляется сила. Но Димка был парнем болезненным: из каждого месяца неделю проводил в кровати с температурой под тридцать девять. Воспалились гланды. Лечили их пенициллином и прогреванием над кастрюлей с только что вскипевшей водой, в которую бросалась ложка пищевой соды. Вообще-то надо было гланды удалять. Но это откладывали на потом – а вдруг пройдет само.

До самых Новогодних каникул Димка и арифметику, и письмо с чистописанием делал на «хорошо» и «отлично». Старался. Учительница сразу это заметила:

– Что это с Димой произошло? Так он у нас скоро отличником станет.

«И стану, – думал Димка, – если не одной четверки не будет, Сергей Николаевич по его правилам за каждую пятерку не пять, а десять патронов дает».

В школе в том самом году впервые начали учиться вместе девочки и мальчики. Все мальчишки сразу повлюблились в девчонок. У самой красивой девочки первого «А» Люси было сразу несколько воздыхателей. Она отдавала предпочтение одному, самому представительному, сыну генерала. Другие влюбленные в нее мальчишки хвастали при ней или своей силой, или умом. Один из них, Славка, для своего хвастовства выбрал Димку: то незаметно подзатыльник ему даст, то толкнет в спину, то подножку подставит. Обидчик внешне особо не отличался от других ни богатырским сложением, ни остротой ума, только волосы у него на голове напоминали чешую зеркального карпа – редкие светлые завитушки. Димка не знал, как ему уйти от унижений и однажды вечером, уже в середине марта решил посоветоваться с отцом.

– А ты ему приемчик сделай, – чуть улыбаясь, предложил родитель.

– Как это? Научи!

Отец с сыном отодвинули обеденный стол к стене, и ковер, лежавший на полу, оказался свободным.

– Во-первых, старайся не находиться спиной к своему сопернику, – учил отец, – а, если оказался, все равно поглядывай, будь на чеку. А теперь смотри, какой есть приемчик, чтобы этот пацан отстал от тебя.

Дальше отец показал, как сделать бросок через себя, а потом захват руки с подсечкой. Эти приемы они повторили по несколько раз, при этом, то один из них, то другой оказывались поверженными на ковре.

– Ну, вот, теперь помни: когда повалишь соперника, постарайся поскорее уйти, не дать ему опомниться и снова напасть.

Димка кивнул головой и отправился спать, повторяя мысленно каждое слово и каждое движение, чувствуя, что навык, полученный от отца, придал ему уверенность.

Возвращались первоклассники из школы большой толпой, которая уменьшалась, редела по мере того, как один или два школьника доходили до своего двора и прощались с остальными. В городе к середине апреля снег уже растаял. На газонах, за невысокими чугунными ограждениями, сквозь лужи начинала прорастать травка. К последнему на пути двору ребятшек осталось не больше семи. Впереди шли Димка и его приятель Володька, за ними – Люся со своим избранником.

Славка вдруг быстро обогнал всех и хотел толкнуть Димку в спину. Но тот был на чеку: ловко перепрыгнул на газон, передал портфель Володьке. Славка тоже перелез через оградку и впервые оказался лицом к лицу с Димкой. Толкнул его в грудь. Тот сделал вид, что отступает, дождался, когда соперник, не думая о последствиях, уперся в него руками, ухватился за них и потянул, ложась на спину, легко перекинул соперника через себя. Бросок получился неправильный, слишком сильный. Славка отлетел далеко и угодил животом и лицом прямо в грязную лужу. Возбужденный победой Димка быстро направился к оградке, краем глаза продолжая наблюдать за соперником, увидел, что тот бежит за ним. Ничего не оставалось, как повернуться, перехватить удар правой руки и сделать подсечку. Славка опять упал на газон и от обиды и беспомощности заплакал, втирая в глаза и в завитушки волос весеннюю грязь. Все остальные поспешили по домам, предчувствуя, что ждет каждого из них завтра. Славка обязательно наябедничает родителям, иначе, как он объяснит матери извзяюканную школьную форму. Димка почувствовал удивительное облегчение – теперь уж ему не придется терпеть унижения от своего соперника.

Разборки в школе шли целую неделю. Славкина мать ничего, кроме испачканной формы, директору школы предъявить не смогла: от бросков и подсечек ни синяков, ни шишек, ни ссадин не остается. Заявление написала, мол «жестоко избил, прошу принять меры».

Директор школы, мужчина солидный, не освободившийся еще от привычки подражать Иосифу Виссарионовичу Сталину, носил такие же усы, прическу, бурки и полувоенный костюм. Он вызвал Димку в кабинет, грозил отчислить из школы, поставить на учет в «детскую комнату»; после беседы с отцом, ограничился четверкой по поведению. Ребята, присутствовавшие на сеансе Димкиной самообороны, тоже были подвергнуты допросу: Славка про всех рассказал. Отец Димку наказывать не стал, предупредил только:

– В следующий раз будь осторожней! Надо было его не в лужу, а на травку бросить. Есть ведь такие приемы, что руки и ноги поломать можно, а то и убить.

– Меня научишь? – не подумав, брякнул Димка.

– Нет, нельзя. Этому в мирное время только некоторых взрослых людей в специальных школах учат. Тебе еще рано, да и нужно ли? Скоро лето. Три месяца на даче будем жить в Бутово, на Полигоне! Там и воздух свежий, и друзей у тебя полно! На рыбалку ходить будем, в дубки, в футбол, в волейбол играть!

Когда мушка в глаз попадает рассказ

Москва в середине двадцатого века была городом индустриальным. Серый дым заводских труб дополняли сизые выхлопы большегрузных машин. Пылинки и соринки, поднятые ветром, иногда попадали в глаза. Мать частенько предостерегала Димку: «Береги глазки! Острая песчинка может глазик проколоть, все из него вытечет, и будешь кривым». При этом она закрывала один глаз и изображала на лице ужасную гримасу, от которой Димке становилось страшно. Вот и прибежал он к матери, как бы далеко ни находился, когда в глаз попадала малюсенькая мушка или пылинка. Мать укладывала его голову к себе на колени, приподнимала пальцами веко и удаляла помеху кончиком носового платка.

В самом конце мая, лишь только начинались школьные каникулы, все семейство выезжало на дачу, подальше от московской гари, где воздух был свежий и жилось свободней. Примерно за неделю до этого события Димке покупали клетчатые ковбойки, летние брючки с пуговками ниже колен, тубетейку, сандалии, носочки и трусики. Балкон заполнялся банками с тушенкой, сгущенкой, лапшой и крупами в больших бумажных мешках. За день до намеченной даты из шкафов и комодов вынималось и увязывалось все постельное белье. В день отъезда Димке делалась модная стрижка: наголо или челочка.

Димка гордился тем, что его отец имел право брать любую свободную машину на автобазе КГБ СССР, поскольку имел соответствующую должность и удостоверение водителя первого класса. В день переезда на дачу он приезжал к дому на грузовике. После погрузки комната в Москве становилась совершенно пустой. Увозилась вся мебель, посуда, продукты, и только кучка зимних вещей оставалась в уголке на полу. А как было радостно сидеть рядом с отцом, у матери на коленях с котом на руках и считать километры.

Сразу за двадцать пятым километром Варшавского шоссе отец повернул налево, на узенькую асфальтированную дорогу. Примерно через километр, около указателя «ПОЛИГОН» – еще раз налево, на дорожку со шлаковым покрытием. Через двадцать метров остановился, пошел открывать ворота. За ними была просторная площадка, покрытая свежей травой. Дом справа из-за нескольких пристроек и надстроек оказался широким и двухэтажным. Отец кивнул на дом слева похожий на длинный барак:

– Там начальство живет.

Затем он подогнал грузовик задним бортом к пристройке двухэтажного дома.

– Вот здесь будем жить мы, – объявил он, открывая амбарный замок, висевший на дощатой двери, – сыровато, придется разок печку натопить.

После крепкого и сладкого сна Димка вышел на лужайку перед домом, протирая глаза обоими кулаками. У соседнего одноэтажного дома невысокий лысый старичок делал зарядку с приседаниями и наклонами. Слева, сразу за большими воротами, в которые вчера Димка въехал в кабине грузовика, стоял туалет. Буква «М», нарисованная с одной его стороны, ясно указывала, куда ему надо идти – очень писать хотелось.

После утреннего моциона мать вручила Димке трехлитровый бидон, десять рублей и отправила в магазин, купить три литра молока и большой батон хлеба.

– Сдачи дадут 60 копеек, посчитай! – Кричала она вслед.

А Димка уже, выбежав из калитки, мчался вдоль яблоневого сада, огороженного колючей проволокой, мимо, желтых штукатуреных домов. Мальчишки и девчонки с бидонами и авось-

ками спешили в магазин, перегоняя друг друга. Старушки, не спеша, шли в том же направлении. Покупатели оказывались у магазина раньше, чем приезжали машины с хлебом и молоком. Было время занять очередь, поговорить со знакомыми уже ребятами, познакомиться, приобрести новых друзей. Две старушки коротали время, беседовали.

– Откуда эти ребяташки? – Спрашивала одна другую.

– А это – дачники! Живут на объекте, что раньше пустовал. Василий Михайлович помер. Вместо него сейчас Иван Ильич. О своих работниках заботится, дачи для них там оборудовал.

Дачницы на Полигоне

Димка из этой беседы понял, что тот лысый старичок и есть отцовский начальник. Мать его называла «Антонов», а другие женщины почему-то шутливо звали Дедей.

После утренних походов в магазин мать всегда говорила одно и то же:

– Мой руки и садись завтракать.

Завтрак чаще всего состоял именно из ломтя свежего ароматного хлеба и кружки молока. Сосед Сашка Новиков уже прохаживался по тропинке, ожидая Димку. Поэтому напутствие матери:

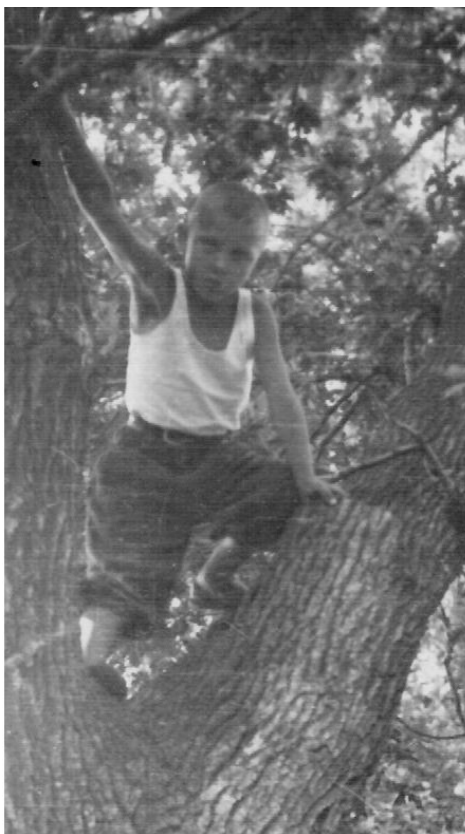
– Обедать вовремя приходи! – Димка слышал уже на бегу.

Вдвоем мальчишки убегали к прудам. В июне, когда купаться еще холодновато, они ловили рыбу, лягушек с болотистых берегов загоняли в воду ореховыми прутиками.

После обеда и сна деревенские подростки ждали их в дубках, на футбольном поле. Они презрительно называли Димку с Сашкой дачниками, но мяч у них забирали, делились на команды и играли до пота, грязи, а иногда и крови. В перерывах Димке и Сашке позволялось с разбегу бить по воротам, тренировать вратаря.

Дубки – это лес, где, кроме мощных дубов и лип, рос еще орешник. Из него делали прекрасные гибкие и прочные удилица. Ближе к осени в зарослях этого кустарника местные жители и даже приезжие набирали огромное количество орехов.

Там можно было для секретных дел спрятаться от посторонних глаз, а можно и наоборот, будучи незамеченным, подглядывать из-за куста или с дерева, что там делают взрослые, уверенные, что их никто не видит. Через дубки пролежала широченная тропа, по которой взрослые и дети ходили от Полигона к Варшавскому шоссе, а оттуда к станции «Бутово». Но по вечерам Димка тащил Сашку к узенькой асфальтированной дороге, чтобы не пропустить родителей-отцов, которые приезжали домой на служебной машине. Это мог быть черный ЗИМ, бежевая Победа или военный цвета хаки ГАЗ-69.

Когда машина останавливалась, Сашка проходил к своему отцу на заднее сидение, а Димка устраивался на коленях у своего, который сидел за рулем. Отец не просто держал сына на коленях. Он учил его управлять автомобилем: отдавал Димке руль, убирал правую руку с рычага коробки передач, уступая сыну менять скорости. С ногами все мудрёнее: они были у семилетнего парнишки еще коротковаты, до педалей не доставали, приходилось нажимать на отцовские стопы – и они подчинялись. Так Димка научился трогаться с места, ехать прямо, поворачивать и останавливаться.

Летним вечером после короткого ужина мужчины собрались с лопатами на площадке между домами. Они смотрели оценивающе на закатное солнце, мерили шагами расстояния, делали отметки, вбивали колышки. Потом взялись за лопаты, выкопали две ямы, метра по полтора глубиной, вставили в них заранее привезенные пятиметровые столбы. Расстояние между столбами – метров десять. В ямы засыпали куски кирпича, добытые во время вскапывания огородов, и землю. Утрамбовали. Волейбольную площадку закончили размечать, когда уже стемнело.

Зато со следующего вечера дачники: мужчины, женщины, дети и подростки, – все собирались около нее. Мужчины натягивали между столбами сетку. Когда желающих играть набиралось не меньше шести, они делились на две приблизительно равные по силе команды. Народ прибывал. Команды становились укомплектованными – по шесть игроков в каждой. Кому-то приходилось стать судьей, болельщики собирали команду, чтобы сменить проигравших. Мяч,

то нежно отбитый упругими пальцами переходил от одного игрока к другому, то быстро пролетал над самой сеткой, когда по нему ударяли со всей силы. Димка и Сашка были еще маловаты для игры с взрослыми. Они становились по разные стороны от площадки. Когда под крики болельщиков мяч улетал на огороды или к забору, ребятишки с радостью бегали за ним и передавали подающему игроку. Заканчивались игры, когда темнело.

Как-то в воскресный день июля отец сел на скамеечку у завалинки бревенчатой пристройки, вытащил из кармана новенькую записную книжку с алфавитом и спросил у Димки:

– Скажи, сынок, что бы ты хотел получить в подарок на букву «А»?

Димка моментально отреагировал:

– Аккордеон! Только не такой большой, как у тебя, а маленький.

У отца был полный трофейный Paolo Soprani. Иногда по вечерам он показывал сыну ноты, написанные на бумаге, предлагал их отыскать на клавишах. При этом сам он укладывал аккордеон боком и растягивал меха, чтобы сын слышал звуки написанных и названных нот.

Отец играл по праздникам «застольные» песни, когда у них в комнате или на воздухе собирались соседи. Еще играл старинные вальсы и несколько народных плясок. Отец мечтал, чтобы сын превзошел его в этом и, выучившись, играл со сцены, стал музыкантом.

На букву «Б» Димка заказал бинокль. На «В» – велосипед, на «Д» – духовое ружье.

Отцовская щедрость была связана с его повышением в должности. «Для детей живем, – вздыхал он иногда, – нам в их возрасте только война да голод достались, пусть хоть они поражаются!» Вспомнив, что у Димки плохо удавалась стрельба в тире, через пару недель отец купил и привез на дачу простенькое отечественное пневматическое ружье. Выстрелы из него были слабенькие: пробить маленькой свинцовой пулькой можно было, например, лопух метров с пяти или с трех метров картонку.

Вечером отец показал, как надо делать «перелом» ружья, чтобы вставить в ствол маленькую свинцовую пульку. У него-то хорошо получалось: в одной руке – ложе, в другой – ствол, раз, и обнажилось отверстие. Вставил пульку, выпрямил ружье – и стреляй. Как прицеливаться и стрелять Димка уже знал. Надо смотреть через прорезь, совместить ее с мушкой и целью, а потом плавно нажать на спусковой крючок. Вместе с Сашкой они стреляли по лопухам и даже по нарисованным бумажным мишеням. А вот заряжать ружье было тяжеловато. Димка пробовал переламывать ружье через колено, потом зажимать ложе между ног и двумя руками дожимать ствол, чтобы в рабочий цилиндр качнуть и сжать воздух, который при выстреле выталкивал пульку.

Однажды вечером, Димка именно этим и занимался, когда взрослые с азартом оканчивали последнюю игру. Была суббота. К Антонову приехала дочь Валентина с мужем и детьми. Младший пятилетний Юрик, катаясь на маленьком импортном велосипеде, то и дело звал:

– Деда, дедя!

Вот оказывается, кто дал отцовскому начальнику такое прозвище.

Старший сын Шурик парень высокий спортивный в двенадцать лет выглядел на все пятнадцать. Муж, Звездёнков Валентин, хоть и полноват, но играл в паре с сыном мастерски. Они всем семейством были на дальней стороне. Шурик подал сильно над самой сеткой, но Димкин отец принял подачу. Мяч перелетел опять к нападающим. Пара пасов, Валентин со всей силы ударил. Мяч перелетел через сетку. Кто-то крикнул: «Уйдет!». И мяч действительно пулей улетел далеко за площадку и попал прямо сзади, между Димкиных ног, где торчало ложе духовушки.

В общем шуме болельщиков никто не услышал тихого хлопка пневматического ружья. Все увидели, однако, упавшего на траву Димку. Он не вставал, лежал ничком, с зажатой между ног духовушкой. Отец в два прыжка оказался около сына, поднял его и с ужасом увидел, что левый глаз Димки закрыт и откуда-то оттуда сильно течёт кровь. Мать мигом принесла вату, сестра побежала в медпункт за фельдшером.

Серьезная и озабоченная дежурная медсестра обработала рану и сделала повязку в пол головы, велела прийти к ней завтра. Рана оказалась глубокой.

Когда Димка уже согнул до конца ствол и вставил пульку, от удара мяча ружье выпрямилось, и произошел выстрел, но пулька пролетела вдоль лба мимо. Острая мушка, находящаяся на конце ствола, угодила Димке прямо в бровь между костью и глазным яблоком.

От досады отец взял ружье за ствол и с размаху ударил ложе о деревянный столб волейбольной площадки. Ложе разломалось, и его куски разлетелись в разные стороны.

Кто-то из соседей сказал с укоризной:

– Зачем же ты, Петро, хорошую вещь сломал?

Отец тихо выругался и так же не громко ответил:

– Из-за этой вещи мой сын чуть глаза не лишился!

Утром Димка посмотрел в зеркало. Повязка, конечно сползла. Левая часть лица опухла и кое-где посинела, так что глаз казался щелочкой. Вспомнилась похожая гримаса матери, когда еще в Москве она наставляла сына беречь глаза.

На перевязке Димке большущий тампон посадили на специальный клей. А медсестра, уже веселая, доброжелательно, шутила:

– Видишь, Дима, что бывает, когда мушка в глаз попадает! Хорошо, что мимо прошла, в бровь!

Через пару недель от раны остался маленький шрам. Отец привез настоящий полевой бинокль. За маленьким аккордеоном они вместе ездили в комиссионный магазин, подростковый велосипед купили в «Спорттоварах» тоже вместе.

Отдушины к женскому дню

Рассказ

В начале марта холода отступили, но оттепелей еще не предвиделось. Самое время для зимней рыбалки. Лед на водоёмах такой толстый наморозило, что пешней не прорубишь. Рыбачькие буры ни серийно, ни массово еще не выпускали. Но в одной солидной организации был доступ к любым материалам и мастерские свои, и мастера на все руки. А еще в этой организации офицеры занимались внешней разведкой и контрразведкой. Конечно, работа была и опасна и трудна, но оплачивалась хорошо, да и много других благ предоставлялось. Как краткосрочную отдушину от тяжелых служебных дел, длительных командировок, да и от семейных забот некоторые любители, не зависимо от чинов и званий, выбрали именно зимнюю рыбалку.

К служебному автобусу обычно добирались с последним поездом метро. Перед отъездом за закрытыми уже дверями, в теплом салоне шел предметный разговор о том, куда ехать. Замкнутое пространство заполнилось дымом папирос и громкой агитацией.

– На Можайское водохранилище надо ехать! Там в прошлые выходные судак шел, – настаивал средних лет мужчина, открывая зубами «бескозырку», алюминиевую крышечку полулитровки.

– Да, ты что, Михалыч! Лучше в Завидово! Там лещ, во какой, – бия себя под левый локоть ладонью правой руки, перебивал другой паренек лет тридцати, Володька слесарь из вольнонаемных. В конце этого жеста он подставил раскладной пластмассовый стакан к горлышку открытой Михалычем бутылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.